

КУРИЦУ,
ПОЖАЛУЙСТА

ПАВЕЛ БУЛКИН

Трилогия «Выбор»

Павел Булкин

Курицу, пожалуйста

«Автор»

2026

Булкин П.

Курицу, пожалуйста / П. Булкин — «Автор», 2026 — (Трилогия «Выбор»)

Декабрьский вечер, аэропорт Нью-Джерси. Частный самолёт уходит через Атлантику. Мариса Дельгадо — бортпроводница экстра-класса. Её жизнь расписана по протоколам идеального сервиса, где каждое движение выверено, а каждая улыбка подчинена строгому регламенту. Но сегодня всё идет не по плану: она опаздывает на четыре минуты, а единственный пассажир в салоне бизнес-джета не похож ни на одного клиента из её многолетней практики. В стерильной тишине летящего над океаном борта привычные ритуалы обслуживания превращаются в странную психологическую дуэль. Мариса еще не знает, что в этом рейсе её безупречные навыки — лишь набор предсказуемых данных для анализа. К моменту посадки в Лондоне она поймет: старый мир остался позади. Будущее уже здесь. Оно не произносит ни слова, но смотрит на неё в упор.

Павел Булкин

Курицу, пожалуйста

I

Мариса опаздывала. Не как обычный пассажир, задыхающийся от паники под мигающее табло «LAST CALL», а профессионально – на четыре минуты. Одиннадцатого декабря две тысячи двадцать шестого года она вбежала по трапу частного терминала Тетерборо, сжимая в заледеневших пальцах ручку кожаной сумки, чей ремень больно врезался в плечо сквозь тонкую ткань форменного жакета. Нью-Джерсийский турнпайк в пятницу вечером был беспощаден, как дикий зверь, и вымотал её до предела. За стёклами такси – обычного такси, с живым водителем, который чертыхался на каждом светофоре, – мелькали рождественские огни, отражаясь в лужах. Мариса считала минуты, вдавливая ногти в ладонь.

Трап был влажным от мелкого декабрьского дождя. Шершавая рифлёная поверхность ступеней скользила под подошвами форменных туфель. Мариса поднималась быстро, но осторожно – упасть на трапе перед клиентом значило не просто оступиться, а совершить немислимый, невозвратный *faux pas*, который потянет за собой объяснительную, разбор на уровне менеджмента и – в худшем случае – вычёркивание из ротации.

Она влетела в салон, на ходу поправляя тёмно-синий платок с золотой монограммой, чуть царапнувший влажную шею. Чеклист инстинктивно пронёсся в голове: запотевшая бутылка шампанского охлаждается в серебряном ведёрке, икра на месте, кашемировые пледы, чей ворс на ощупь мягче снега, разложены в ногах каждого кресла, аромадиффузор наполняет воздух запахом бергамота и белого чая. Она проверила кейтеринг ещё в машине, листая экран телефона большим пальцем: горячее – два варианта, десерт – чизкейк с юзу, сырная тарелка – пармезан тридцатилетней выдержки, грюйер, горгонзола. Всё по спецификации. Она мысленно пробежалась по инвентарю – льняные салфетки, столовое серебро, запасной комплект фарфора на случай турбулентности. Всё было идеально.

Кроме одного: в первом кресле по левому борту, обтянутом кожей цвета тёплого песка, уже сидел пассажир. Вельш-корги пемброк.

Его рыже-белая шерсть отражала салонный свет, как дорогой шёлк. Уши стояли торчком, словно пара чутких локаторов, сканирующих лётное поле за иллюминатором. На шее животного, поблёскивая в полумраке, висел небольшой полированный металлический диск на тонкой цепочке – размером с крупную монету, но тоньше, изящнее, с едва заметным матовым свечением по краю. Ни хозяина, ни переноски, ни шуршащих ветеринарных документов нигде не было. Кресло напротив пустовало. Кресла позади – тоже. Весь салон, рассчитанный на четырнадцать пассажиров, принадлежал одному существу весом в тринадцать килограммов.

Мариса провела языком по пересохшим губам. За три года в бизнес-авиации – сначала стажировка в Лозанне, потом контракт с оператором из Коннектикута – она обслуживала нефтяных шейхов, голливудских продюсеров, тихих людей в серых костюмах, чьи имена нельзя было произносить вслух. Однажды летела с живым леопардом в клетке, принадлежавшим эмиру из залива. Но леопард хотя бы был в клетке. И рядом сидел ветеринар. И был хозяин.

Из динамиков раздался безупречно ровный, отполированный голос, лишённый малейших человеческих шероховатостей, – ни дыхания, ни микропауз, ни того едва уловимого щелчка языком, который выдаёт живого человека перед началом фразы. Голос объявил о начале рулёжки. Самолёт дрогнул, толкнув Марису в пятки, и тяжёлая машина медленно покатилась по мокрому асфальту. Огни рулёжных дорожек потянулись за окном – синие, зелёные, жёлтые. Хозяин так и не появился.

Мариса опустила в служебное откидное кресло у камбуза, пристегнула ремень и устала на спинку кресла перед собой. Где-то в глубине сознания тихий голос – голос мадам Форнье, преподавателя по протоколу обслуживания в Лозанне – произнёс:

«Пассажир всегда прав. Даже если пассажир – это нечто, которого нет в вашем учебнике. Особенно тогда».

II

На высоте десяти тысяч футов гул турбин превратился в глубокий баритон виолончели, а салон залил приглушённый янтарный свет, густой, как мёд. Электрохромные стёкла иллюминаторов автоматически перешли в режим «закат» – мягкое затемнение, сквозь которое ещё можно было различить последние розовые полосы на горизонте. Мариса отстегнула ремень, одёрнула жакет, проверила, что платок на шее лежит ровно, и подошла к камбузу.

Галлея была безупречна. Выдвижные ящики с бархатистым покрытием внутри, предотвращающим звон посуды при турбулентности. Духовка, уже прогретая до ста восьмидесяти градусов по заложенной программе. Кофемашина – итальянская, капсульная, с отдельным резервуаром для фильтрованной воды. Мариса взяла тяжёлую кожаную папку меню с золотым тиснением, ощутив привычную тяжесть переплёта в руке – около четырёхсот граммов, она знала точно, потому что однажды взвешивала из любопытства, – и направилась к креслу.

– Могу я предложить вам... – она осеклась, осознав, что зачитывает заученный приветственный текст собаке.

Лозанна, курс Fine Dining, первый модуль: приветствие пассажира. «Добрый вечер, мистер... или миссис... Могу я предложить вам ознакомиться с нашим меню?» Улыбка – на три четверти, не шире. Зрительный контакт – две секунды, потом перевести взгляд на меню. Но в модуле не было пункта «если пассажир – корги, который не мигая смотрит на тебя с высоты кожаного кресла».

Корги повернул голову. Его взгляд не просил ласки и не ждал инстинктивной команды «сидеть» или «лежать». Это был холодный, горизонтальный взгляд существа. Карие глаза, окружённые тёмной маской шерсти, смотрели с выражением, которое Мариса видела, что удивительно, только у одного типа людей – у тех, кто подписывает чеки с девятью нулями и не считает нужным объяснять зачем.

Он кивнул на меню – коротко, рассеянно, как жоак, отгоняющий назойливого щенка. Жест был настолько человеческим, что у Марисы перехватило дыхание.

Она положила папку на откидной столик из полированного ореха. Столик выдвинулся бесшумно, на гидравлических петлях. Корги даже не опустил взгляд.

Мариса отступила за занавеску камбуза, чувствуя, как по позвоночнику скользит ледяная капля пота, проделывая длинный извилистый путь от основания шеи до поясницы. Её пальцы дрожали. Она сцепила руки за спиной – приём из лозаннской школы, параграф «Контроль моторики в стрессовых ситуациях», – и заставила себя дышать ровно.

Лёд в ведёрке таял. Холодные капли ползли по запотевшему стеклу бутылки, собираясь в тяжёлые прозрачные линзы у горлышка и срываясь вниз, на белоснежную льняную салфетку, оставляя мокрые пятна, похожие на маленькие острова на карте. Корги оставался неподвижен в кресле, лишь иногда машинально опуская взгляд к кулону на шее. За иллюминатором стучалась тьма над ледяной бездной океана – шесть миль пустоты до чёрной воды, невидимой, но ощутимой, как присутствие чего-то огромного и равнодушного под тонкой алюминиевой кожей фюзеляжа.

Прошло одиннадцать минут. Мариса переложила столовые приборы в галлею – вилка слева, нож справа, десертная ложка сверху. Потом переложила обратно. Приборы были безупречны. Руки – нет.

III

Примерно через час после взлёта инстинкты взяли верх над лозаннскими инструкциями. Мариса прошла мимо камбуза, мимо ряда пустых кресел, обтянутых кожей, которая тихо поскрипывала при каждом микродвижении самолёта, мимо панели управления освещением – и остановилась перед дверью кабины пилотов. Её влажные от волнения пальцы легли на холодную металлическую ручку. Металл был гладким, хирургическим и обжигал холодом. Она знала кодовый замок – четыре цифры, выданные на брифинге перед вылетом. На брифинге, который проводил не человек, а текстовое сообщение на экране планшета в crew room.

Дверь поддавалась легко.

Кабина была пуста.

Не «пуста» в смысле «пилот вышел в туалет». Пуста – как комната, в которой никогда не жили. Ремни на капитанском кресле аккуратно расправлены, словно их разгладили утюгом. Ремни на кресле второго пилота – тоже, и на них не было ни единой складки, ни вмятины, ни следа человеческого тела. Гарнитуры висели на крючках, нетронутые. Бутылка воды в подстаканнике – запечатана.

Приборная панель мягко и уверенно светилась во тьме. Десятки экранов, индикаторов, переключателей – всё работало, всё жило, всё дышало информацией. На основном дисплее FMS – Flight Management System – медленно ползла белая линия маршрута через чёрный экран Атлантики. Waypoint'ы мелькали и сменялись: WHALE, RAFIN, SOMAX. Режимы VNAV и LNAV горели зелёным – автоматическая навигация по вертикали и горизонтали. Автопилот не просто был включён. Автопилот был единственным пилотом.

На правом мониторе мерцали белые моноширинные строки телеметрии, обновляясь каждую секунду с метрономической точностью:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.